

с именем ее сестры, бывшей за Годуновым, или с именем жены Василия Шуйского Марии,¹ или же называют ее Христиной,² благодаря ассоциации с «крестинами»,³ однако на самом деле ее звали Екатериной.⁴ Песня совсем забыла имя кумы, для нее безразличное, но хорошо запомнила, что это была дочь знаменитого, ставшего эпическим Малюты Скурлатова.

8. Далее описывается пир у Воротынского. Все на пиру расхвастались. И Скопин хвалится, что очистил царство Московское, и все «отъ старого до малова» поют ему славу. Похвальба Скопина возбуждает зависть и досаду бояр, они подсыпают лютого зелья в стакан меда сладкого и передают куме крестовой, дочери Малютиной, а та подносит герою.

За исключением эпической похвальбы, являющейся общим местом, все остальное здесь по существу верно действительности. Уже современники объясняли внезапную смерть Скопина отравой на пиру и понимали, что отравительница, дочь Малюты, действовала по наущению других лиц, и прежде всего своего мужа кн. Дмитрия Шуйского, завидовавшего успеху молодого племянника. В. С. Иконников, ссылаясь на источники, замечает, что «слух об отраве быстро распространился по Москве; на Дмитрия Шуйского указывали как на виновника отравления. Народ хлынул в дом последнего, и, если бы не войско, посланное на выручку, то ему трудно было бы избежать мести» (Видек. 139—140).⁵

9. Скопин, выпив поднесенный стакан с отравой, сразу чувствует свою гибель и говорит, обращаясь к куме крестовой:

«Услышешь во утробе неловко добре!

Ай ты съѣла меня, кума крестовая,

Малютина дочи Скурлатова;

А зазнаючи мне со зельемъ стоканъ подала —

Съѣла ты мене змея подколодная!»⁶

¹ В. С. Иконников, *op. cit.*, стр. 159.

² *Ibid.*, стр. 158.

³ С. М. Соловьев. История России, т. VIII, стр. 313.

⁴ В. С. Иконников, *op. cit.*, стр. 142.

⁵ *Ibid.*, стр. 142.

⁶ В. Ф. Миллер. Исторические песни, стр. 571.